

Харе тихо отозвался и скованно, словно деревянная кукла, слез со стула. Не обращая внимания на то, что только что наступил на сиденье грязной обувью, он тут же уселся. Юноша боялся, что если продолжит стоять, то выкажет свое волнение — колени уже предательски подкашивались, а тело начинало мелко дрожать.

Откинувшись на жесткую спинку, он почувствовал, как дрожь в теле понемногу утихает. Юноша незаметно перевел дыхание и, посмотрев на молодых, еще не знавших бремени будущего родителей, тихо спросил:

— И... о чём мы будем говорить?

Стоило словам слететь с губ, как сердце вновь подкатило к самому горлу. Харе до смерти боялся услышать от них нечто вроде: «А ты, случайно, не наш сын?»

Сатору, непринужденно сунув руки в карманы, лениво подошел ближе. На его красивом лице играла привычная беззаботная улыбка. Он кивнул на массивную балку прямо над их головами:

— Послушай, Харе. Почему ты даже не попытался осмотреться, а сразу полез за Усмиряющим камнем башни туда? Мне действительно любопытно: откуда ты так точно знал, где он лежит?

Казалось, юноша собственными глазами видел, как этот предмет убрали наверх.

Эта территория испокон веков принадлежала клану Годжо, и посторонние никак не могли знать о столь незначительных деталях. Эту башню для птиц Сатору заставил выстроить еще в детстве, от скуки, а из-за раскинувшегося вокруг соснового бора ее называли Башней Мацуяма.

Поначалу птиц здесь было немного, и слуги закупили целую стаю голубей, лишь бы порадовать привередливого молодого господина. Птицы оказались обученными и возвращались на звон, поэтому прислуга прихватила у торговца и медный колокольчик.

Со временем башню заселили и другие пернатые, которые по какой-то причине тоже привыкли слетаться на этот звук. Маленькому Сатору забава показалась ужасно интересной, и он с самым важным видом на точеном детском личике гордо нарек копеечный бубенец «Усмиряющим камнем башни».

Отыскать саму башню Мацуяма на карте не составляло труда. Но вот узнать про колокольчик... Об этой глупости не помнили даже ворчливые старейшины клана Годжо. То, что обычный студент Технической школы магии действовал настолько уверенно, казалось более чем подозрительным.

— Я...

Внутри у Харе все буквально кричало от паники: «Помогите! Спасите! Пожалуйста, хоть кто-

нибуть!»

Ему казалось, что перед пронизательным взглядом отца он стоит абсолютно безоружным.

Еще когда юноша только увидел задание, в его душу закрались сомнения. Он подумывал подсунуть экзаменаторам какую-нибудь фальшивку, поскольку не знал, известно ли кому-то в это время, что загадочный камень — на самом деле медный бубенец. Но в итоге Харе решил выполнить все честно, никак не ожидая, что загонит себя в ловушку.

Что ему отвечать? Выложить всю правду? Сказать прямо: «Папа, вообще-то я твой сын. Служанка, что приглядывала за мной, часто рассказывала о твоём детстве, да и сам я частенько прибежал сюда играть»?

Нет-нет, это звучит слишком безумно.

В самом начале своего пути в этом мире он действительно надеялся во всем признаться родителям. Но после всех испытаний, и особенно после встречи со своей темной сущностью, рожденной из скверны и злобы, смелость окончательно покинула его.

Если они увидят, каким он вырос... не прочтет ли он в их глазах разочарование?

Харе приоткрыл рот, но слова застряли в горле. Его ясный взгляд скользнул по двум высоким фигурам, застывшим перед ним в полумраке. Сказать правду он не мог.

Юноша понурил голову и, лихорадочно выдумывая оправдание на ходу, тихо пробормотал:

— По дороге сюда... я встретил служанок и расспросил их. Они увидели, что я из Технической школы магии, и... и рассказали.

— Вот оно как, — протянул Сатору и небрежно оперся о спинку его стула. Его точеное лицо скрывала тень, из-за чего было невозможно понять, поверил он в эту нелепую ложь или нет.

Харе робко поднял голову, пытаясь угадать реакцию отца, но в то же мгновение тот резко наклонился к нему. Темные очки съехали на кончик носа Сатору, приоткрывая сияющие, полные лукавства глаза.

Две пары почти одинаковых сапфировых глаз встретились в упор: один взгляд — давящий, испытывающий, другой — испуганный и застывший. Время вокруг словно остановилось, и лишь белые голуби под крышей нарушали тишину своим негромким воркованием.

— Ха-а, — Сатору наконец выпрямился. Он негромко рассмеялся, будто обнаружил какую-то занятую тайну, но делиться догадками не стал. Пальцем указав на юношу, он обернулся к

напарнику: — Ладно, Сугуру. Твой черед. Спрашивай.

Сугуру, до этого момента молча наблюдавший за сценой, согласно кивнул:

— Тот проклинатель с длинными белыми волосами, что выкрал из Технической школы магии проклятые объекты... Ты ведь знаком с ним?

Тихий, вкрадчивый голос заставил сердце Харе испуганно пропустить удар. Но на этот раз скрывать правду не имело смысла, и он послушно кивнул:

— Да, знаком.

— Кем вы приходите друг другу?

Харе онемел.

«Господи, помогите же мне кто-нибудь!» — Харе снова готов был провалиться сквозь землю от отчаяния.

Ну почему этот разговор превратился в сущую пытку?!

Сказать, что тот безумный проклинатель — его собственное порождение? Но ведь Харе не имел никакого отношения к его преступлениям!

Видя его мучительное замешательство, Сугуру немного помолчал, а затем спросил мягче:

— Он подчинил тебя своей воле? Или угрожает расправой, если ты заговоришь?

— Нет, — послушно покачал головой юноша. — Мы почти не связаны. Я...

Поняв, что расспросы топчутся на месте, Сатору не выдержал и хмыкнул:

— Харе, ты действительно верил, что сможешь утаить что-то от моих глаз? Я не собирался устраивать допрос, но когда ты вернулся, твоя проклятая энергия стала слишком походить на силу того негодяя. Да и тогда в общении... ты ведь призвал нечто весьма жуткое, не так ли?

В тот день Сатору заметил лишь два плотных сгустка чужой силы, которые Харе затем поглотил обратно, но даже тогда ощутил в них скрытую угрозу. Из-за этого он поначалу всерьез подозревал юношу в причастности к краже проклятых объектов.

Впрочем, проклятая энергия Харе изначально казалась странной — в ней причудливо переплетались самые разные, порой противоположные силы. Убедившись в его невиновности, Сатору и Сугуру решили не расспрашивать его попусту. В конце концов, у каждого есть право на свои секреты.

Однако теперь от Харе так отчетливо веяло могильным холодом, что не задать вопросов было бы глупостью.

Сатору с усмешкой коснулся пальцем края повязки:

— Для меня здесь нет тайн, так что не пытайся.

У Харе все внутри оборвалось.

Он прекрасно знал силу Шести глаз своего отца. Но за то недолгое время, что они провели вместе, юноша настолько размяк от долгожданного тепла и счастья, что совершенно потерял бдительность. Ему казалось, будто он надежно спрятал свою суть.

Но ведь он впитал столько оскверненной веры проклятых духов! Пусть даже Сукуна и помог ему поглотить большую часть этой силы, ее зловещие отголоски все равно остались в теле. Не заметить этого Сатору просто не мог.

Так вот какую ловушку крыл в себе «подарок» его темного близнеца... Тот намеренно оставил этот след, зная, что Шесть глаз сразу все считают. До чего же расчетливая, гнилая тварь!

— Я не хотел вам лгать, — Харе посмотрел на стоящих перед ним магов и, набрав в грудь воздуха, отчаянно заговорил: — Клянусь, у меня нет дурных помыслов! Я никогда и пальцем не трону никого в Технической школе магии. Те похищенные проклятые объекты мне даром не нужны. У меня нет тайных целей, я просто... просто хотел побыть рядом со всеми вами.

Предательские слезы сами брызнули из глаз от избытка чувств. Испугавшись, что они заметят его слабость, юноша поспешно опустил голову и добавил совсем тихо:

— А с тем человеком... я разберусь сам.

Последние слова прозвучали совсем глухо, и оба мага отчетливо уловили дрожь в его голосе.

Сугуру перевел взгляд на поникшего подростка. Эти худые, вздрагивающие плечи на мгновение показались ему до боли знакомыми, вызвав в памяти образ белоголового юноши. В голове пронеслось то отчаянное, надрывное «Мама!», и в груди Сугуру защемило от странной, необъяснимой тоски. Он тихо вздохнул.

— Харе, — негромко позвал он. Юноша поднял лицо, и маг заметил, как блестят его мокрые ресницы. Юноша действительно плакал.

Сугуру мягко, успокаивающе улыбнулся:

— Ну надо же, мы с Сатору тебя совсем перепугали. Можешь ничего не рассказывать, если не хочешь. На самом деле это место...

—... Сатору специально подменил твоё экзаменационное задание. Эта башня стоит на земле клана Годжо, так что здесь нас никто не потревожит и не подслушает.

Конечно, Сатору также подозревал, что юноша как-то связан с его родом, и намеренно выбрал это место для проверки — порой дети из побочных ветвей клана, приезжая в поместье на праздники, забирались в эту башню ради забавы. Но Сугуру не стал говорить об этом вслух, посчитав расспросы личным делом друга.

Его ровный, баюкающий голос подействовал на Харе лучше любого лекарства. Тревога отступила, и юноша замер, уставившись на него удивленными, распахнутыми глазами.

— Словом, раз мы пришли вдвоем и без лишних ушей, это уже говорит о нашем доверии, — Сатору широко улыбнулся и беззлобно взъерошил его темные волосы. — Сомнения сомнениями, но мы привыкли верить тому, что видим каждый день. А ты, парень, как ни крути, хороший человек.

— Хо... хороший? — растерянно эхом отозвался Харе.

Слезы, едва успевшие высохнуть, вновь подступили к глазам, и он поспешно прикусил губу, пытаясь сдержать подступающие рыдания.

В этот момент Сатору что-то бросил ему. Юноша машинально поймал предмет — на ладони у него лежал потемневший медный колокольчик.

— Это...

— Твое экзаменационное задание все еще в силе! — хохотнул Сатору, демонстративно отряхнув ладони от невидимой пыли, и горделиво задрал нос. — Ну что, скажи, господин Годжо просто гений? Ха-ха-ха!

— Будет тебе, гений, — Сугуру устало потер переносицу и легонько подтолкнул его к выходу. — Давай-ка шевелись, тебе самому еще сдавать экзамен. Если не забыл, тебе нужно выловить живую скумбрию в реке за десять километров отсюда. Если сейчас не выдвинемся, точно не успеешь...

— Да что за идиотское задание придумал Яга! Сугуру, давай поменяемся, а?

— Ну уж нет.

— Тогда ты идешь со мной!

— Идем уже, действительно ведь не успеем, — на этот раз Сугуру не стал спорить. Он с самого начала собирался составить другу компанию.

— Отлично! — Сатору радостно вскинул руки и тут же обнаглел: — Тогда ты ее для меня и поймаешь!

— Придурок, тогда это будет мой зачет, а не твой. Я могу разве что помочь ее выследить, а вытаскивать будешь сам.

Их голоса постепенно удалялись по винтовой лестнице. Харе постоял в нерешительности, но затем внезапно подбежал к перилам и крикнул вниз:

— Погодите!.. В следующем месяце... я бы хотел приготовить для вас обед. Вы не против?

Он спросил это так робко, что оба мага замерли на ступенях и удивленно подняли головы. Просьба показалась им странной, но уже в следующее мгновение они оба искренне улыбнулись — один тепло и мягко, другой — лучезарно и открыто.

— Конечно можно!

Глядя на них, Харе тоже шмыгнул носом и улыбнулся. Он вытер слезы тыльной стороной ладони и тихо угукнул.

У самого выхода Сугуру притормозил и, обернувшись, добавил:

— Харе. Знаешь, ты мне еще при первой встрече показался очень близким человеком. Я действительно рад, что мы учимся вместе. Береги себя. И если попадешь в беду — сразу зови нас, мы поможем.

Они ушли, оставив юношу одного на верхнем ярусе белой башни.

Слова, сказанные Сугуру перед уходом, отозвались в его исстрадавшемся сердце невыносимой, щемящей нежностью. Харе медленно опустился на пол и, спрятав лицо в колени, тихо, навзрыд заплакал.

Оказывается, это такое невероятное чувство — знать, что люди, которые тебе дороже всего на свете, верят тебе и искренне о тебе заботятся...

Плечи его мелко вздрагивали от рыданий, а мягкие черные вихры забавно качались, напоминая кончик кошачьего хвоста. Под тонкой тканью рубашки на согнутой спине отчетливо проступали позвонки — за последнее время юноша сильно осунулся и похудел.

Хотя он не унаследовал исполинский рост своих будущих родителей, низким его тоже назвать было нельзя. Но сейчас, обхватив руками колени, он сжался в крошечный, беззащитный комок.

Даже плакал он едва слышно, глуша всхлипы в кулак, словно боялся потревожить дремлющих под куполом птиц.

Сукуна на удивление не стал язвить и глумиться над его слабостью, а лишь с легким любопытством поинтересовался в мыслях:

«Ты готовить-то хоть умеешь?»

<http://bllate.org/book/19043/1988363>